Ты можешь идти один

Автор:
Василий Криптонов

Ты можешь идти один

Василий Криптонов

Застенчивый подросток Дима знакомится с новым одноклассником. Борис Брик – странный парень. С первых дней в школе его прозвали Маленьким Принцем. Он знает то, чего не должен знать человек, но теряется там, где каждый подросток чувствует себя как рыба в воде. Он либо сумасшедший, либо действительно явился из невероятных космических далей, приведя за собой погоню. На глазах школьника, который давно забыл о своем праве на счастье, разворачивается битва между главными силами Вселенной. Дима должен выбрать: слиться с серой массой безразличных людей или сразиться за нечто большее, чем жизнь.

Василий Криптонов

Ты можешь идти один

Глава 1

Я впервые увидел Маленького Принца на перемене, когда Саня Рыбин, по прозвищу Рыба, поймал меня в коридоре. Рыба требовал денег, а я молчал, надеясь, что ураган как-нибудь пролетит мимо. Смотрел в его налитые кровью глаза, вдыхал вырывающийся из его рта отвратительный запах сигарет и мятной жвачки.

– Ну что, Димыч, давай по-хорошему, а? – говорил Рыба, потирая кулак. Костяшки покрыты коростами запекшейся крови.

Я молчал. Пытался разлепить губы и соврать, что денег нет, но не мог. Только смотрел в глаза своему мучителю и молил его мысленно: «Отстань от меня, пожалуйста! Сделай вид, будто меня не существует!» Если бы я мог тогда выбрать любую суперспособность из любого фантастического фильма, то стал бы невидимым.

– Ты чего на меня так смотришь? – Рыба дернул рукой, делая вид, что хочет ударить, и я инстинктивно согнулся пополам. Семен Волохин, маячивший за спиной Рыбы, засмеялся.

– Слышь, ты с «брони» слезай, пока не поздно, – сказал мне Рыба. – Я у тебя полтинник прошу. Не дашь – заберу все. И после школы тебя встретят. Тебя каждый день колошматить будут, если я так скажу, понял? Понял меня, я тебя спрашиваю?

Мысленно я распрощался с небольшим количеством мелочишки, которую оберегал до последнего. Рука потянулась к карману, когда раздался неприятный тонкий голос:

– Господа, не могли бы вы мне помочь?

Рыба и Семен повернулись и смерили взглядами стоящего перед ними коротышку. Тот смотрел на них, будто совсем не испытывая страха. Пухлый, круглолицый, с коротко стриженными светлыми волосами. При виде его мне, несмотря ни на что, захотелось улыбнуться.

– Тебе чего надо? – с угрозой в голосе спросил Рыба. – Ты кто такой?

По лицу паренька скользнуло нечто, поначалу показавшееся испугом. Но потом, воскрешая в памяти тот случай, я пришел к выводу, что он просто прищурился, словно пытаясь что-то вспомнить. Что до меня, то я радовался крошечной надежде спастись.

– Мне нужно узнать, где занимается одиннадцатый «Б» класс, – отчеканил парень. – С сегодняшнего дня я числюсь в этом классе. Меня зовут Борис Брик!

– Брик? – усмехнулся Рыба. – Немец, что ли? А что ты мне дашь, если скажу?

Пользуясь сложившейся ситуацией, я старался незаметно выскользнуть из угла, не совершая резких движений. Семен тоже отвлекся, так что я мог беспрепятственно улизнуть. О нависшем над пропастью новичке старался не думать. Сам виноват, нечего было влезать.

– Насколько мне известно, моя национальность – русский, – пожал плечами Брик. – Ты предоставляешь платные информационные услуги?

– А? – растерялся Рыба.

– Я так понимаю, что мне нужно внести некую плату за необходимую информацию, так?

– Ну, так. – В голосе послышалась неуверенность.

– Сколько я должен заплатить? – Брик полез в карман. Я остановился на месте и во все глаза смотрел на этого чудака. Он что, правда ничего не понимает?

Рыба и Семен переглянулись.

– А сколько у тебя есть? – подал голос Семен.

– В данный момент с собой – шесть тысяч сто двадцать рублей, – тут же ответил Брик. – Этого хватит?

Рыба присвистнул и выпучил глаза. У меня перехватило дыхание. Мое представление о карманных деньгах заканчивалось на двух сотнях, которых за глаза хватало на неделю, а то и больше.

– Шесть? – прохрипел Рыба, оглядываясь на проходящих мимо школьников. – Давай!

Брик выдал ему содержимое карманов.

– Учись, Димыч. – Рыба повернулся ко мне и махнул купюрами. – Вот, правильный пацан, нежадный. А ты за пятьдесят рублей жмешься. Пошли!

Они с Семеном поспешили прочь. На лице Брика появилось удивление. Он посмотрел на меня, и я почувствовал жалость к этому несчастному дурачку. Словно поняв, что помощи от меня не будет, Брик развернулся на каблуках и крикнул в спину Рыбе:

– Одну секунду!

Рыба обернулся.

– Чего тебе?

– Мне нужно узнать, где занимается одиннадцатый «Б» класс, – повторил Брик. – Я только что заплатил тебе за эту информацию.

– Да я вообще без понятия! Вон, у Димыча спрашивай, – посоветовал Рыба.

Тут в коридоре появился новый персонаж – завуч Александра Петровна. Седая женщина в круглых очках, в любую погоду кутающаяся в шаль. Она с осуждением поглядела на вымогателей, равнодушно – на меня и задержала взгляд на Боре. Тот, не обращая внимания на нее, заговорил так громко, что у меня в ушах зазвенело:

– Я заплатил шесть тысяч сто двадцать рублей тебе. Если ты не в состоянии оказать мне необходимую услугу, то передай деньги Димычу, раз уж мне придется обращаться к нему.

Рыба замер. Семен, пользуясь тем, что на него не смотрят, ускользнул. Несколько проходящих мимо учеников остановились, наблюдая за происходящим. Александра Петровна насторожилась.

– О чем идет речь? – спросила она.

– Без понятия вообще! – жалобно заныл Рыба. – Это новенький, он гонит!

– Ты Боря? – спросила Александра Петровна. – С утра не пришел, я уж думала, завтра только будешь.

– Я Борис Брик, – кивнул ей Боря. – К сожалению, с утра нужно было позаботиться о маме, и прийти на первый урок не получилось.

– Ясно. Что у тебя с этим охламоном приключилось? – Она перевела взгляд на Рыбу.

– Я спросил его, где занимается одиннадцатый «Б» класс. Он назначил цену за эту информацию – шесть тысяч сто двадцать рублей. Когда же я передал ему деньги, он отказался оказывать информационные услуги. Мне кажется, в таких ситуациях нужно вызывать милицию, но я пока не уверен.

Александра Петровна, когда начинала злиться, раздувалась, будто морская рыба в минуту опасности. Надулась она и в этот раз.

– Саша! – грянула она. – Опять начинается?

– Он врет! – заорал Рыба. – Нет у меня никаких денег!

– В правом кармане брюк лежат шесть тысяч сто двадцать рублей, – отрапортовал Боря. – Купюрами по пятьсот рублей, сто рублей и десять рублей. Номера купюр…

Когда он начал перечислять номера купюр, я потерял веру в реальность происходящего. В коридоре творилось что-то невообразимое. Собирался народ. Все переговаривались, спрашивая друг у друга подробности. Они глядели на смешного коротышку, который громким писклявым голосом называл какие-то цифры и буквы. Среди собравшихся я заметил Жанну. Она тоже бросила на меня взгляд, и я поспешил отвернуться. Полжизни за невидимость!

– Выверни-ка карманы! – Александра Петровна двинулась к Рыбе.

– Вы права не имеете! – отступил тот.

– Я? Не имею, конечно! Давай тогда позовем тех, кто имеет. Милицию вызовем, отчима твоего. Хочешь?

Рыба в ярости сплюнул, вытащил деньги, подошел быстрым шагом к Боре и протянул ему.

– На, забери. Разнылся!

Боря и пальцем не пошевелил.

– Передай деньги Димычу, – повелел он.

– Я тебе чего, на побегушках? – рявкнул Рыба.

– К тому же ты должен извиниться, – добавил Боря. – Из-за твоего непрофессионализма возникла конфликтная ситуация.

– Да я тебя сейчас!..

– Саша! – прикрикнула Александра Петровна.

– Да слышу, слышу!

Рыба подошел ко мне и сунул деньги с таким выражением лица, что я понял три вещи:

1. Если я не возьму деньги, он убьет меня прямо сейчас;

2. Если я возьму деньги, он убьет меня сегодня после уроков;

3. Если я внезапно умру до конца уроков, он достанет меня с того света и убьет.

Желая протянуть как можно дольше, я, не глядя в глаза Рыбе, взял деньги и сунул в карман. Ворча страшные ругательства, Рыба ушел. Ко мне приблизился Брик. Все собравшиеся смотрели на него, и я тоже внезапно оказался в центре

внимания. Тогда я услышал эти слова, произнесенные непонятно кем: «Маленький Принц!» Действительно, несмотря на свою комическую внешность, Брик держался и говорил с безупречным достоинством.

– Расскажешь мне… – начал он.

– Да-да, пойдем! – Я схватил его за рукав и потащил в класс, желая как можно скорее скрыться от настойчивых взглядов.

Мы поднялись на третий этаж, зашли в кабинет, пустовавший перед уроком алгебры. Я покинул Борю и подошел к последней парте первого ряда. Усевшись, обнаружил, что Брик стоит рядом и внимательно смотрит на меня.

– Ты из одиннадцатого класса «Б»? – спросил он.

Я кивнул и, спохватившись, вытащил деньги из кармана. Был небольшой соблазн оставить их себе. На уровне секундной фантазии.

– Забери.

Боря посмотрел на протянутые купюры, потом перевел взгляд на меня.

– Почему? Я не имею никаких претензий…

– Боря, ты что, ничего не понял?

Его взгляд меня поразил. Он смотрел, как маленький ребенок, открывающий для себя мир. Ему было интересно, непонятно и немного смешно.

– Здесь в обращении другие денежные единицы?

Я откинулся на спинку стула и вздохнул. Новичок явно не в себе. Что, объяснять ему прописные истины? Придется.

– Тот парень, который взял у тебя деньги, просто хотел их отобрать. Он постоянно отбирает у всех деньги.

Боря снова нахмурился, то ли вспоминая что-то, то ли пытаясь осмыслить новые сведения.

– То есть, информационные услуги предоставляются бесплатно?

– Разумеется!

Он забрал деньги и положил их в карман. Наступило молчание. Я принялся готовиться к уроку: положил на парту учебник, тетрадь, дневник, ручку и карандаш. Боря с любопытством следил за моими приготовлениями.

– Все это нужно для обучения?

Я замер. Странности этого паренька перевалили за все мыслимые границы. Если сначала я записал его в клуб совершенно заучившихся «ботаников», то теперь он уверенно разрывал и эти рамки.

– Ну… Конечно!

– А если у меня этого нет? Что тогда?

Я вырвал из тетради двойной листок и отдал Боре, заодно пожертвовав запасную ручку.

– Это все меняет?

– Ну, не то чтобы все… Ты новичок, тебя сильно ругать не будут. Дома-то есть учебники, тетради?

Боря посмотрел на учебник, на тетрадь. Кивнул.

– Да, есть! Завтра возьму все это с собой. А где мне нужно сидеть?

– Где хочешь, на любом свободном месте, только…

Я не питал иллюзий относительно того, что кто-то захочет общаться со мной дольше необходимого. Не надеялся и обзавестись другом. Если уж за десять прошедших лет ничего не вышло, то и выпускной год исключением не станет.

– Спасибо, Димыч, – кивнул Боря и сел рядом со мной.

– Дима, – поправил я.

– Дима? – Боря нахмурился. – Это ведь… Дмитрий, если не ошибаюсь?

– Ну да, Дмитрий. Сокращенно – Дима.

– Ясно. Я понял тебя, Дима. Спасибо тебе.

В класс потянулись ученики. Каждый бросал взгляд на новенького. Борис, в свою очередь, внимательно разглядывал новых одноклассников и улыбался каждому. Никто не отвечал на его улыбку, кроме Насти Елизаровой. Она с первого класса старалась казаться воплощением доброты и милосердия.

Разговоров почти не слышно: каждый занимался своими делами. Зевая, доставали учебники. Девочки расчесывались, глядя в зеркало. Кто-то пытался за пять оставшихся минут написать домашнюю работу.

В класс вошла Жанна, и у меня перехватило дыхание. Она выделялась из всех, приковывала внимание, будто айсберг, внезапно выросший по соседству с египетскими пирамидами. Платиновые волосы, редко знавшиеся с расческой, торчат во все стороны, напоминая дикий куст – так же, как в первом классе. Белая блузка и джинсовая юбка безупречно чистые, но утюг для них – тема запретная. Девушка, которой плевать, как она выглядит. Но выглядела она сногсшибательно. Ее не портили даже веснушки, которые с годами становились все бледнее и теперь почти не бросались в глаза.

– Почему ты на нее так внимательно смотришь?

Я вздрогнул. Брик задал вопрос громко, на весь класс, и теперь все таращились на меня. И Жанна! Господи, как бы я хотел в этот момент снова оказаться лицом к лицу с Рыбой!

– Заткнись, – прошипел я, краснея.

Боря оценил ситуацию быстро. Он наклонился ко мне и, сквозь зарождающийся в классе смех, я услышал его шепот:

– Ты не хочешь, чтобы она знала, что ты на нее смотришь?

– Да, не хочу! – шепнул я, чувствуя, что на глаза наворачиваются слезы.

– Почему?

– Непочему. Отстань.

– Мне показалось, что она тебе нравится.

– Отвяжись, пожалуйста!

– Почему тогда ты боишься показать это? Мне действительно интересно. Кажется, людям свойственно сближаться с теми, кто им нравится.

– Не так все просто.

– Объяснишь?

– Потом. Урок начинается!

Но я не удержался и глянул-таки в сторону Жанны. Она сидела ближе к доске, на соседнем ряду, небрежно бросив на стол учебник и тетрадь. Поигрывала ручкой. Я почти не видел ее лица, но легко мог его представить: равнодушное и как будто немного усталое.

Одновременно со звонком в класс ворвалась Екатерина Михайловна, наша сумасшедшая математичка. Пожилая женщина с острым маленьким личиком, напоминающим мордочку лисы. Мы все подскочили и замерли в молчаливом приветствии. Боря некоторое время сидел, но потом неторопливо поднялся и с любопытством оглядел стоящих рядом учеников и Екатерину Михайловну,

которая, раскрыв журнал на нужной странице, ждала безупречной тишины.

– Садитесь! – каркнула она.

Ученики единым порывом опустились за парты. Родился и быстро умер шепоток.

– Брик Борис, новенький, где?

– Я здесь! – откликнулся Боря.

– Где? Тебя руку поднимать не учили?

Боря, помешкав, поднял руку.

– Ясно. Первый день, и сразу без учебника. Молодец, ничего не скажешь. В какой школе учился?

Брик опустил руку на голову и почесал макушку, вызвав негромкий смех класса.

– Не уверен, что смогу сейчас ответить на этот вопрос, – признался он.

– Что? Это еще почему?

– Я думаю, в данной ситуации уместно говорить о шоке, вызванном резкой сменой обстановки. Из-за этого шока могут возникать небольшие провалы в памяти. Завтра я приду в себя и смогу дать подробный отчет о том, где учился ранее.

Тишина. Все пытались осмыслить слова Бори. Нелегкая задача, ведь обычно все изъясняются куда более простыми предложениями.

– Встань! – крикнула Екатерина Михайловна.

Боря послушался.

– Характер свой мне тут показывать не надо, понятно?

– Да, понятно, – кивнул Боря.

– Не знаю, какие были порядки в твоей бывшей школе, но тут ты будешь себя вести, как полагается!

– Я прикладываю к этому все усилия.

– Ты издеваешься?

– Нет, я поддерживаю диалог…

– Это тебе не диалог! Это я тебе говорю! Ты понял?

Боря на секунду задумался и кивнул:

– Не показывать характер, вести себя согласно установленным порядкам, не вступать в диалог. Да, я понял.

Екатерина Михайловна кипела, но продолжать прения не имело смысла. Все ее фирменные приемчики, доводящие до слез любого, словно падали в черную дыру.

– Садись!

Она сделала перекличку. Присутствовали все, кроме Рыбы. Напротив его фамилии Екатерина Михайловна поставила «Н», судя по венам, взбухшим на запястье, прорезая ручкой страницу насквозь. Урок начался.

* * *

Когда отзвенел последний на сегодня звонок, я схватил Брика за руку и провел к черному ходу. Мы вышли на задний двор школы, перелезли через забор и углубились в лес, окружающий поселок. Я увидел лежащее на земле трухлявое бревно и со вздохом облегчения уселся на него. Боря сел рядом.

На улице еще тепло. Совсем недавно минул август, и солнце по-прежнему светит ярко, воздух полнится свежестью и ароматами лета. На земле окурки, пустые бутылки и банки из-под пива и коктейлей. Очевидно, бревно пользовалось популярностью. Может, не самое безопасное место, но Рыба вряд ли станет нас здесь искать.

– Теперь ты можешь ответить на мои вопросы? – спросил Брик, оглядываясь по сторонам. Я тоже покрутил головой, но не увидел ничего, достойного внимания. А Боре, кажется, был интересен каждый сучок.

– Какие вопросы? – покорился я.

– Почему мы вышли из школы не как все?

– Из-за Рыбы.

– Мы пойдем на рыбалку?

Я засмеялся. Эта святая простота начинала меня забавлять.

– «Рыба» – это кличка. Так называют Саню Рыбина, который у тебя деньги хотел отобрать. Он сильно разозлился, и я думаю, что он подстерегает нас у выхода. Потому мы и убежали.

– А что он хочет, по-твоему, сделать?

– Ну, что… Избить нас, думаю.

– Зачем?

– Что «зачем»?

– Зачем ему нас бить?

Я задумался.

– Боря, скажи, где ты жил раньше?

Он повернулся ко мне, отвлекшись от созерцания мха на северной стороне дерева. Смотрел, будто размышляя о чем-то.

– Это очень непростой вопрос, Дима. Я отвечу тебе на него позже, при одном условии.

– Каком условии?

– Ты будешь моим другом?

Я чуть не рухнул с бревна. Вот так просто взял и спросил, как в фильмах делают предложение! В моем понимании дружба должна начинаться несколько иначе.

– Я? Другом?

– Ну да. У меня сложная ситуация, в которой необходим друг. Человек, который поможет мне. Я понимаю, что дружба – это процесс взаимовыгодный. Пока я, к сожалению, не знаю, какие услуги смогу оказать тебе взамен, но, наверное, что-нибудь придумаю.

Странный это был паренек, очень странный. Но явного неприятия он во мне не вызывал. Хм, друг… надо же…

– Ладно, – улыбнулся я и протянул ему руку. – Друзья?

– Друзья! – Боря скопировал мою улыбку и ответил на рукопожатие. – Итак, Дима, объясни мне, зачем этот Рыба бьет людей?

– Рыба считает себя крутым…

– Что значит, «крутым»?

– Значит, самым сильным, что ли… Он пьет, курит, общается с криминальным… миром. В общем, считает себя выше всех. И, чтобы доказать это, унижает людей.

Меня понесло. Чуть ли не впервые в жизни я общался с человеком, способным понять предложение, составленное более чем из трех слов.

– Видишь ли, есть общественная иерархия, включающая в себя уйму факторов. Первый фактор – возраст. Чем человек старше, тем он главнее. Другой фактор – интеллект, напрямую влияющий на образование. Человек более образованный будет главнее менее образованного. Так, люди с высшим образованием занимают руководящие посты, люди со средним специальным работают на них, а со средним или даже без среднего – работают на самой неблагодарной работе. Так живет мир. Понимаешь?

– Разумеется, – пожал плечами Боря.

– Ну вот. А что если человек очень хочет пробиться наверх, но при этом у него не хватает ума? Он ведет себя так, как Рыба. Он бьет и унижает тех, кто слабее. Дальнейшая его жизнь – это бандитизм. Бандиты убивают и грабят, паразитируя на обществе. Вот и все.

Боря улыбнулся.

– Я понял. Сильный порабощает слабого. Этот закон действует во всей Вселенной. Ладно, оставим. Думаю, остальное я смогу постепенно понять и сам. А теперь меня интересуют твои чувства к той девушке.

Я вздрогнул и почувствовал, как снова краснею.

– Что тебе интересно?

– Все. Это ведь любовь, так?

Я чуть не завыл в голос.

– Боря, да с какой ты планеты?

Настал черед Бори содрогнуться и выпучить на меня глаза.

– Почему ты задал такой вопрос? – пробормотал он.

– Потому что ты ведешь себя странно, не понимаешь очевидных вещей. Как будто инопланетянин, честное слово.

Боря встал с бревна, прошелся по небольшой полянке, потрогал сосну и повернулся ко мне. На его лице расцвела улыбка.

– Давай так, – сказал он. – Представь, будто я и вправду инопланетянин, и мне очень важно понять, как устроен ваш мир.

– Но на самом-то деле это не так? – с надеждой спросил я.

– Конечно, нет. Но мы же договорились, что я расскажу о себе позже. А до тех пор ты расскажи мне все, что сможешь. Меня очень интересует любовь!

Будь рядом со мной нормальный человек, я, может, и раскрыл бы перед ним душу. Но Боря ждал не откровений. Он жаждал информации, как одержимый биолог подстерегает очередную лягушку, готовя сачок и скальпель.

– В другой раз, – сказал я. – Когда расскажешь о себе.

Путь через лес с Борей превратился в целый поход. Он останавливался у каждого куста, поднимал листья, шишки, провожал взглядом птиц. Вел себя так, будто это не он двумя часами раньше разозлил самого свирепого парня в школе.

В поселок мы вышли возле частного сектора.

– Где ты живешь? – спросил я.

– Здесь.

Он показал на ближайший частный дом, который, сколько я себя помню, стоял заброшенным.

– Здесь?

– Да. Два дня назад переехал.

– Круто… Ну ладно. Давай тогда до завтра.

Я отошел на несколько шагов, когда Боря меня окликнул:

– Не хочешь зайти?

– В смысле? – обернулся я.

– Ну, зайти в гости. Друзья ведь так поступают, да?

Я озадачился. Почему-то приглашение меня встревожило. Может, звучало чересчур интимно, не знаю.

– На самом деле мне нужна твоя помощь, – признался Брик. – Там целая куча этих учебников и тетрадей. Ты можешь помочь отобрать те, что понадобятся завтра?

* * *

Половицы истошно скрипели под ногами, известка сыпалась со стен. Боря включил свет, и тот, прежде чем загореться, несколько раз мигнул. Я поежился, стараясь побороть чувство брезгливости.

– А здесь вообще жить можно? – поинтересовался я.

– Наверное. Никто не запрещал.

Одноэтажный домик состоял из двух просторных комнат, кухни и даже ванной с туалетом. Повсюду громоздились коробки и мешки – чувствовалось, что переехали недавно и не успели обжиться. В прихожей несколько банок с краской – видимо, мадам Брик планировала произвести хотя бы косметический ремонт. Я увидел и ее саму: в одной из комнат висела фотография, на которой Боря, совсем еще ребенок, сидел на коленях у седеющей женщины с усталым лицом. Мне стало грустно от этой фотографии. Матери Брика, должно быть, несладко пришлось в жизни. И наверняка она любит сына, раз уж первым делом повесила на стену фотографию.

Немало не смутившись беспорядком, Боря прошел в комнату и продемонстрировал старинный письменный стол, заваленный учебниками.

– Какие нужны?

Я, воскрешая в памяти расписание, отобрал необходимые учебники. Все тетради оказались чистыми, и я вложил в каждый учебник по одной.

– Вот так вот, – сказал я.

– Спасибо, Дима! – поблагодарил меня Брик. – Кажется, я понемногу осваиваюсь.

Я улыбнулся. Все-таки, он был очень смешон в своей манере говорить все, что приходит в голову.

* * *

– Как в школе? – спросил отец, заходя в кухню. Он жевал бутерброд и, кажется, вообще не обращал на меня внимания. Открыл холодильник, достал бутылку пива – первую за вечер.

– Нормально, – ответил я, ковыряя вилкой макароны.

Отец кивнул и вышел. Судя по звукам из комнаты, телевизор готовится показать крайне важный футбольный матч.

Мама сидела за столом напротив меня, уткнувшись в кроссворд. Уловив краем уха вопрос отца, встрепенулась и подняла взгляд:

– Чего наполучал? – Имелись в виду полученные мной оценки.

– «Четыре» по алгебре, – буркнул я.

– А почему «четыре»?

– Не знаю.

– Как ты не знаешь?

– Ну, не знаю. Вызвали, ответил. Поставили «четыре».

– Наверное, плохо ответил?

– Ответил бы плохо – поставили бы «два».

Мать отложила газету с кроссвордом и посмотрела на меня.

– Дима, ты когда за ум возьмешься? – начала она привычный монолог. – Ты понимаешь, что ты уже не ребенок? Это уже жизнь! Я десять лет с тобой бьюсь, а ты… Вот не дай бог в институт не поступишь, в армию тебя загребут – и все! Куда ты потом? Сантехником работать будешь? Стоило тогда учиться столько времени!

Эти разговоры преследуют меня с первого класса. Рассказы о том, что в армии меня если не убьют, то покалечат. Рассказы о том, что всем миром управляет злобное сантехническое божество, так и жаждущее заполучить в свои сваренные из труб лапы очередную зазевавшуюся жертву. Что я мог возразить? Я, не знающий жизни совершенно?

– Все нормально будет, – сказал я, теряя остатки аппетита.

– Ты уроки сделал?

– Нет еще, я ем.

– Ну так ешь быстрее и иди, занимайся!

Я заставил себя проглотить остатки макарон, положил в раковину тарелку и закрылся у себя в комнате. Уроки. Мертвые черные буквы на белой бумаге. Унылые синие линии, которые я вывожу в тетради. Это – жизнь?

Глава 2

В школу я пришел рано, чтобы не столкнуться у входа с Рыбой. Поднялся на второй этаж, посмотрел расписание и отправился на урок литературы. Литература – это мне нравится. По крайней мере, я люблю читать.

В жизни у меня были разные периоды. Иногда я боялся нового дня, иногда ждал его с нетерпением, и только в последнее время пришло равнодушие. Я все острее понимал, что новый день не принесет ничего. «Живи еще хоть четверть века – все будет так, исхода нет». Если уж взрослый человек, общепризнанный поэт и классик изрек такую истину, то почему я должен смотреть на жизнь с оптимизмом?

Но со вчерашнего дня кое-что изменилось. Вернулось беспокойство, пробирающее до глубины души. В первую очередь меня терзал страх. Я понимал, что Рыба в бешенстве, ведь его заставили отдать деньги, уже лежавшие в кармане!

А другое чувство, пробуждающее некий интерес к жизни, было надеждой. Непонятной и странной надеждой на то, что с появлением Брика, этого смешного невысокого паренька, что-то изменится. Глупо, конечно, но эта надежда и не была связана с разумом.

В класс зашел Петя Антонов, наш староста. Высокий светловолосый парень с надменным выражением лица. Заметив меня, поморщился и отвернулся. Петя всегда умудрялся одновременно хорошо учиться, вливаться в любую компанию, всей душой ратовать за общественную и учебную жизнь класса и даже быть полноценным лидером. Он гордился тем, что приходит в класс раньше всех. Я посягнул на его первенство, а значит, он мне отомстит. Нет, речь не об избиении. Просто подстроит какую-нибудь каверзу по учебе, или даст малоприятное поручение, от которого не отвертеться. Что ж, не в первый раз.

Пять минут спустя народ начинает собираться. Заходят Антон Дрокин, переживший немало неприятных часов из-за своей фамилии, Надя Зыкина – ничем не примечательная девочка, тихо-мирно отсидевшая за партой все десять лет. Серега Маклаков, некое подобие меня, только с обостренным чувством несправедливости мироздания.

Жанна пришла раньше обычного. Я, как всегда, проводил ее взглядом до парты. Мне даже пришлось выработать особый взгляд исподлобья, перехватить который невозможно. Хоть в чем-то я добился совершенства.

Краем глаза я ощутил какое-то движение и повернул голову. Петя поднялся со своей парты, подмигнул мне и сел рядом с Жанной. Они о чем-то заговорили. Я смотрел на них, и мое сердце колотилось все сильнее. Жанна засмеялась, и Петя придвинулся к ней ближе. До меня донеслись его слова:

– … после уроков?

Жанна дернула плечами, потом кивнула. Петя вернулся на свое место, на прощание коснувшись плеча Жанны. Я закрыл глаза. Что произошло? О чем они говорили? Я был близок к тому, чтобы подбежать к ней и начать расспрашивать. Неизвестность невыносима.

Открыть глаза меня заставил дружный смех. В класс зашел Боря, и на плече у него висела растрескавшаяся от старости кожаная хозяйственная сумка. Я снова закрыл глаза. Причудам его, видимо, конца не будет.

– Борь, ты зачем такую сумку взял? – поинтересовался я, когда он сел рядом и расстегнул «молнию» на этом чудовище.

– А что? – Он извлек учебник литературы, тетрадь и целую россыпь разноцветных авторучек.

– С такими не ходят!

– А что в ней не так? – Боря приподнял сумку и покрутил перед глазами. – В нее влезают все учебники, она прочна и удобна. К тому же я взял еды, и она тоже прекрасно поместилась.

– Может, и так, – вздохнул я. – Но вот только над тобой будут смеяться. Это слишком необычно.

– Смех – это хорошо, – улыбнулся Боря.

В этот момент подал голос Петя:

– Боря, ты у мамы сумку отобрал, что ли?

Массовка расхохоталась. Еще бы, сам Петя пошутил! Я украдкой взглянул на Жанну, но и она тоже смеялась, глядя в нашу сторону. Как будто надо мной.

Боря, улыбаясь, окинул взглядом класс.

– Нет, не отобрал, – возразил он Пете. – Маму пришлось убить, она мешала. С тех пор я могу невозбранно пользоваться ее вещами.

Несколько секунд царит молчание. Класс решает, как отнестись к этой фразе. Если сейчас все засмеются, то Борю приняли, он – часть коллектива. А если промолчат и отвернутся, то он – навеки в разряде «чудиков». Но даже я не мог найти сил засмеяться. От этой остроты мороз пробирал до самых костей.

– Дурак, что ли? Нельзя так шутить, – тихо сказала Маша Шибаева.

Пару лет назад мать Маши умерла от рака гортани. Я представлял, как ей неприятны подобные шутки. Она бросила взгляд на меня, и я подавил свою искусственную улыбку. Наши отношения с Машей – это нечто особенное. Если бывает дружба без общения, то это она и есть.

– Я не…

Я с силой ударил Борю по плечу. Он повернулся ко мне.

– Перестань, – прошипел я. – Просто помолчи. Не надо такого говорить.

Боря кивнул и начал листать страницы учебника, просматривая краткие биографии писателей. Я снова встретил взгляд Маши и прочел в нем одобрение.

Класс быстро потерял интерес к Боре и его сумке. Тяжело смеяться над человеком, который не смущается. Я смотрел то на Петю, то на Жанну, пытаясь отгадать, что их связало.

За десять минут до начала урока в класс, громко хохоча и матерясь, ввалились Семен Волохин и Саня Рыбин. Они сразу увидели Борю.

– Опа! – заорал Рыба, направляясь к нашей парте. – Новенький! Как там тебя? Фриц?

– Брик, – улыбнулся ему Боря. Он закрыл учебник и сложил руки на парте с таким видом, будто он – директор крупной фирмы, а Рыба – младший помощник заместителя уборщика, пришедший к нему просить выходной.

Рыба внаглую уселся на наш стол и уставился на Борю. Семен встал так, чтобы отгородить нас широкой спиной от нежелательных взглядов. Я судорожно сглотнул. Вот и расплата. Хоть бы Софья Николаевна пришла раньше!

– Ну что, немец, как расплачиваться будешь? – Рыба взял учебник Бори, перевернул несколько страниц, швырнул в угол.

– Не припомню, чтобы я остался тебе должен. – Спокойствием Бори можно было только восхищаться.

– Ты как разговариваешь? – Семен дернулся, делая вид, что хочет ударить.

Боря перевел взгляд на него.

– Я разговариваю на русском языке, соблюдая правила вежливого общения, – сказал он. – С тобой нужно разговаривать как-то иначе?

– Мальчики! – Я повернул голову и увидел Настю, с озабоченным видом глядевшую на спины Рыбы и Семена. – Ну что там такое? Опять начинаете?

– Да все нормально, мы просто разговариваем! – отозвался Рыба, не сводя глаз с Бориса.

Семен дыхнул на кулак и покосился на Рыбу.

– Я ему пробью, а?

– Да я сам ему пробью сейчас, – ответил Рыба. – Ты чего так борзо начал, а? Учителям стучишь, хамишь. – Тут он ладонью несильно стукнул Бориса по лбу. – Деньги где?

– Мои деньги у меня в кармане, – отвечает Боря. – Некоторая их часть.

– Сюда давай.

– Зачем?

– Я тебе сейчас нос сломаю, дятел! Потому что я сказал! Деньги мне свои отдал, быстро!

Боря покачал головой и улыбнулся, словно разговаривал с ребенком.

– Ты путаешь понятия «почему» и «зачем». Я не спрашивал, почему ты хочешь заполучить мои деньги. Я спросил, зачем мне их отдавать. В чем мой интерес? Какая моя выгода? Что я приобрету за эти деньги? Отдавать их просто так я не собираюсь. Деньги нужны мне для приобретения пищи. Пища необходима, чтобы поддерживать процессы жизнедеятельности в этом теле. В принципе, ничего другого мне пока не нужно, поэтому, что бы ты ни предложил, я буду вынужден ответить отказом.

На середине этой речи Рыба закатил глаза. Семен фыркнул и огляделся по сторонам.

– Но, впрочем, я уже кое-что о тебе знаю, – продолжал Борис. – Тебе нужно избить меня, чтобы доказать свое превосходство. А все, что ты сейчас делаешь – это набор ритуальных слов и действий, предваряющих избиение. Мне неинтересны ритуалы. Я люблю сущность вещей. Давай сэкономим время.

Он резко встал и вышел из-за парты. Развел руки в стороны, напомнив мне образ распятого Христа.

– Бей!

Рыба вытаращил на него глаза.

– Ты чего, типа, «на броне», что ли? – прорычал он.

– Я не понимаю этого выражения. Ты хочешь меня избить, подняв свой авторитет в глазах класса. Бей.

Рыба огляделся. В классе собрались уже все ученики, и каждый смотрел в нашу сторону.

– Крутой, да? – Рыба сплюнул. – Пойдем, выйдем!

– Отказ, – ледяным тоном изрек Боря. – Пять минут до начала урока. Я не хочу пропускать занятия. Избить меня ты можешь и здесь. Или ты стыдишься этого действия? Тогда вели всем выйти.

Велеть всем выйти мог только Петя, а Рыба никогда не был лидером. Обратись он к классу с подобным требованием, девчонки, сейчас раскрывшие рты от удивления, мигом налетят на него с возмущенными воплями, и все обратится в фарс. Рыба понял это, и его злость прорвала плотины.

– Уродец! – зарычал он, кидаясь на Борю.

Рыба ударил его по лицу. Боря должен был упасть или даже отлететь на несколько шагов, но он всего лишь отшатнулся. Его голова повернулась от удара и заняла прежнее положение. Выражение лица осталось неизменным.

– Что, еще хочешь? – крикнул Рыба.

В классе стало тихо. Девочки поспешили отбежать подальше от опасного места. Только Жанна стояла возле своей парты, глядя на Брика. В ее взгляде светилось любопытство. И, словно издеваясь, рядом с ней встал Петя, закрыл ее собой, будто оберегая от опасности.

– Время тратишь, – сказал Боря, сверля взглядом Рыбу. – Ты хотел избить меня гораздо сильнее.

Рыба с Семеном налетели на него, как хищники. Борю избивали так сильно, так быстро, что я испугался. В этот момент у меня в голове пролетело миллион мыслей. Тысячи разных вариантов того, как поступить сейчас и как жить дальше. В конце концов, я сказал себе: «Это твой первый и единственный друг!»

Драться я не умел, поэтому просто схватил Рыбу за плечи и оттащил от Бори. Рыба развернулся, и кулак скользнул по моему лицу. На секунду я замер, но быстро сообразил, что зашел уже слишком далеко. Я удвоил усилия. Ко мне неожиданно присоединился Илья Киров. Он не только помог удержать Рыбу, но и заорал на него:

– Ты совсем съехал? Тебя ж отчислят, отчим убьет!

Это подействовало. Рыба сплюнул и окликнул Семена:

– Хорош. Потом с этим терпилой разберемся.

Когда они отошли, я помог Боре подняться, отряхнул его брюки.

– Как ты?

Выглядел он неважно. Лицо изрядно помято, нос распух, из разбитой губы сочилась кровь.

– В полном порядке! – улыбнулся Боря. – Зачем ты его остановил?

– Что? Ну, мы же, типа, друзья.

– Ах да, точно, я и забыл. Ну да, друзья заступаются друг за друга. Об этом я не подумал…

Прозвенел звонок, и мы сели за парту. Я протянул Боре носовой платок и жестом показал, чтобы он промокнул кровь на губе.

– Ты поцелуй его! – крикнул со своего места Рыба.

Некоторые засмеялись. Громче всех заливался Сережа Маклаков. Он наивно верил, что если будет гоготать над шуточками Рыбы, тот примет его за своего.

– Ты-то чего ржешь, Скрудж Макдак? – прикрикнул на Маклакова Рыба. Он швырнул в него авторучкой. Сережа весь сжался, прикрывая голову руками. Ручка отскочила от его плеча и покатилась по полу.

– Ручку принес, быстро!

Сережа побежал за ручкой и вернул ее Рыбе. Идя к своему месту, он изо всех сил пытался встретиться взглядом со мной или с Борей. Взгляд его говорил: «Вот какие они уроды, да?» Но Боря разглядывал испачканный кровью платок, а я не собирался поддерживать Сережу. К тому же я пытался поочередно встретиться взглядом с тремя людьми. Сначала – с Петей. Я хотел спросить его: «Ну и где ты был?» Но Петя сделал вид, будто всецело поглощен чтением учебника.

Мой второй взгляд был адресован Жанне. И в этом взгляде другой вопрос: «Как выглядел мой поступок для тебя?» Но Жанна смотрела не на меня, а на Борю.

И мой третий взгляд – в сторону Маши. «Все ли я правильно сделал?» Она кивнула и улыбнулась. На душе стало немного теплее.

– Свертываемость крови! – Боря, забывшись, снова заговорил громко, на весь класс. – Поистине великолепное свойство человеческого организма!

Наконец, появилась Софья Николаевна. Эту симпатичную молодую учительницу любили все без исключения. Как будто солнце заглянуло в класс.

– Здравствуйте! – мелодичным голосом произнесла Софья Николаевна. – Садитесь, пожалуйста.

Рыба и Семен пристально смотрели в мою сторону. Я занервничал, ожидая какой-нибудь каверзы, но потом понял причину их внимания. Они ждали, что мы станем жаловаться. Только вот Боря, кажется, был с головой поглощен своими занимательными опытами с кровью, а я не собирался «стучать», поскольку почти не пострадал. Да и вообще, от этих жалоб только хуже.

– Так, у нас тут новенький, как я вижу, – заметила Софья Николаевна. – Боря Брик, правильно?

Боря вскочил, как подброшенный пружиной.

– Вы абсолютно правы! Борис Брик, очень приятно.

– Ну, а я – Софья Николаевна, – засмеялась учительница. – Взаимно приятно. Садись!

Боря сел. Ученики заметно оживились, принялись шептаться и хихикать.

– Итак, Боря, в твоей прежней школе вы на каком произведении остановились?

– К сожалению, не могу ответить на этот вопрос, – развел руками Боря. – Я много болел и почти не посещал уроки. К тому же, после автокатастрофы, в которой погиб мой отец, у меня наблюдаются пробелы в памяти, вызванные, отчасти, посттравматическим шоком, а отчасти – глубоким психологическим потрясением. Тем не менее, сейчас я полностью готов к восприятию любой новой информации.

Софья Николаевна растерялась.

– Мне так жаль, – сказала она, собираясь с мыслями. – Да, жизнь порой неоправданно жестока. Что ж, я не буду давить. Мы просто начнем изучать новый материал, а если тебе будет что-то непонятно, захочется что-то обсудить, то ты подойди после урока, хорошо?

– Хорошо, – кивнул Боря.

– Кстати, у нас в школе действует литературный клуб, по средам в четыре часа. Ты любишь читать?

– Я много читаю.

– Вот и хорошо. Приходи! Заседания веду я. Будет очень интересно. Ты, Дима, кстати, тоже мог бы прийти. Раньше ходил ведь.

– Подумаю, – буркнул я.

Этот литературный клуб – настоящее проклятие. Конечно, мне было там интересно. Но я не видел никаких перспектив у этого увлечения. Чтение, на мой взгляд, могло быть приятным времяпрепровождением, к тому же – весьма интимным. Заседания клуба порождали у меня в сознании диссонанс. С одной стороны, взрослый человек, учитель организовал все это, а значит, есть какой-то смысл. А с другой, чтение так и оставалось способом скоротать часы досуга. Я не видел здесь мостика в будущее. Поэтому, посетив несколько заседаний, перестал на них ходить.

Но сейчас мысли о клубе меня не занимали. Отвлекся я и от Жанны с Петей. Меня беспокоил Брик. Помнится, вчера на алгебре Боря заявил, что перепугался учительницы и не может вспомнить номер своей бывшей школы. Теперь же он рассказывает об автокатастрофе и провалах в памяти. И то и другое – явная ложь. Его лицо не выражало ни страха, ни скорби. Странный – да. Но не сломленный. Такое чувство, будто все происходящее для него – не больше, чем игра.

* * *

Неприятности не заканчивались. Я на каждой перемене видел, как Петя разговаривает с Жанной. Я все ждал, когда же она нахмурится и отойдет от него, но Жанна только смеялась его шуткам. А на большой перемене они и вовсе ушли вместе в столовую.

Боря с аппетитом поглощал принесенные из дома бутерброды.

– Возьми бутерброд, – посоветовал Боря.

– Нет, спасибо.

Я никогда не питался в школе. С детства почему-то так пошло. К столовой у меня было ничем не объяснимое отвращение, а брать еду из дома не позволяла застенчивость. Нет, вернее взять-то я мог. Даже брал пару раз. Но ел, запершись в кабинке туалета. В этом оказалось мало приятного, и я предпочитал

подождать с обедом до конца уроков.

– Это отличная белковая пища! – настаивал Брик.

– Это бутерброд с колбасой.

– И с сыром!

– И с сыром, – признал я.

– Слушай, я тебя опять не понимаю. Ты скрываешь любовь, скрываешь голод… Какой в этом смысл? Поев сейчас, ты освободишь мозг от мыслей о еде и сможешь лучше усвоить новый материал. Кстати, с любовью то же самое. Если бы ты вчера…

Поскольку на нас опять начинали оглядываться, я взял бутерброд, посмотрев при этом на Брика так, что он не стал заканчивать фразу.

– Спасибо, – сказал я сквозь зубы.

– Пожалуйста! – заулыбался Брик. – Кстати, можешь сегодня зайти ко мне опять?

– Что случилось?

Боря понизил голос и наклонился ко мне:

– Мне нужно научиться готовить пищу.

– Чего?

– Я успел изучить только эти бутерброды. А в книгах пишут, что питаться ими всегда – вредно для организма. Мое тело и так норовит умереть при каждом удобном случае! Дома есть какие-то продукты, но с ними нужно что-то сделать.

– Господи боже, а мама-то тебе на что? – Мне не хотелось никуда идти после уроков. Хотелось прийти домой и молча страдать, вызывая в памяти лицо

Жанны.

– Маму я убил, я ведь говорил об этом, – напомнил Брик.

Я поморщился.

– Блин, Боря, перестань так говорить, у меня мурашки по коже. Я не очень-то хорошо готовлю. Суп устроит?

– Суп – да. Читал, что горячая жидкая пища очень полезна.

Я не мог долго концентрироваться на рассуждениях Брика о вкусной и здоровой пище. Немного успокоиться получилось лишь когда Жанна вернулась в класс, и они с Петей уселись за разные парты. Почему-то я считал, что пока они не сели вместе – все несерьезно.

На физике Боря вновь завладел вниманием класса. Анна Федоровна рассказывала о переменном токе, и Боря, раскрыв рот, слушал ее. Когда же с теорией покончили, он поднял руку.

– Да, Боря? – указала на него Анна Федоровна.

Брик встал.

– Вы хотите сказать, что в проводах реально все это происходит? – спросил он.

Я покраснел и уставился в парту. Почему мне стыдно за его нелепость? Это, что ли, называется дружбой?

– В смысле? – растерялась Анна Федоровна. – Конечно! Я весь урок об этом говорю!

– То есть, даже в такой плотной материи, как медный провод, действительно с огромной скоростью перемещаются электроны?

– Замолчи! – шипел я, что есть мочи, но Брик только отмахнулся от меня.

– Боря, ты издеваешься? – вздохнула Анна Федоровна.

– Нет, почему вы так думаете?

– Да, Боря, все так и есть.

– Но ведь любое движение само собой порождает энергию, насколько я успел усвоить. Значит, движение электронов, помимо того, что оно является электрической энергией, должно вырабатывать еще какую-то сопутствующую энергию.

Лицо Анны Федоровны просветлело.

– Ты совершенно прав! – Она повернулась к доске и принялась чертить какие-то завитки. – Эта энергия называется индукционной. Схематически ее можно изобразить как спираль, на всем протяжении проводника.

– И она никак не используется?!

– В бытовых условиях – нет.

– Это ведь колоссальные потери энергоресурсов!

К этому моменту я уже перестал стыдиться. Брик больше не выглядел дурачком, задающим глупые вопросы.

– В общем, да, – признала учительница. – Но современное развитие науки не позволяет ее использовать.

– Не могу поверить. Вы можете зафиксировать эту энергию, но не можете использовать?

– Ее используют, но не настолько широко…

– Зря.

– Боря, извини, конечно, но я не отвечаю за практическое использование энергии, – съязвила Анна Федоровна. – Моя задача – объяснить вам принцип действия. А уж движение вперед науки и техники – ваша забота. Вы молодые, амбициозные – вам и карты в руки. Садись.

Боря просто рухнул на место. На его лице появилось такое выражение, будто он внезапно узнал, что окружающий мир – матрица, а человечество давно порабощено машинами.

* * *

Я стоял на крыльце школы и провожал их взглядом. Жанна и Петя. Он держал ее за руку и тарахтел о чем-то без передышки. «Вот и все, – сказал я себе. – Конец истории, у которой и начала-то не было».

– Мерзкий тип, да?

Я вздрогнул и увидел рядом Брика. Он тоже смотрел вслед этой паре.

– Тебе-то что? – скривился я.

– Мне – ничего. Просто он, очевидно, тебе не нравится. Ну что, пойдем?

– Куда?

– Готовить суп!

– А, точно…

Дома у Бори стало гораздо чище. Он разобрал некоторые коробки, а остальные распихал по углам, чтобы не мешались. В холодильнике я обнаружил курицу, немного картофеля, морковь и лук.

– Порежешь лук? – спросил я, разбираясь с устройством плиты.

– Конечно. Пополам?

– Нет, мелкими кубиками. Сначала почисти, потом режь. Возьми доску.

Я занялся морковью. Почистил несколько штук и принялся тереть их на терке. А интересно, что сейчас делают Жанна с Петей, пока я готовлю Брику суп?

– Кстати, не расскажешь, что там у тебя с мамой? – спросил я, чтобы отвлечься от мрачных мыслей.

Вместо ответа Боря всхлипнул. У меня рука остановилась, сжимая морковку. Неужели он плачет?

– У меня нет мамы, – пробормотал Брик, вытирая слезы рукавом.

– Она… умерла?

– Нет. Она… Господи, да что это такое!

Боря бросил нож и отскочил от стола. Уставился на меня покрасневшими глазами.

– Ты хочешь меня убить? – крикнул он. – За что? Я ведь ничего плохого тебе не сделал!

– Я? Убить? Борь, ты рехнулся? – Я не знал, что и думать.

– Не надо прикидываться! Что ты используешь, как это называется? Нервно-паралитический газ? «Сыворотка правды»? Чего тебе нужно? Не денег ведь! Хочешь узнать правду, да? Я ведь обещал рассказать, зачем ты так?

Он остервенело тер глаза, как маленький мальчик. Мой взгляд упал на разделочную доску с порубленной в кашу луковицей. И тут до меня дошло.

– Боря, это лук, – сказал я.

– Спасибо, мы знакомы!

– Нет, я не об этом. Лук щиплет глаза. Когда его режешь, он выпускает какой-то сок, или типа того. От этого глаза слезятся.

Боря замер, глядя на меня.

– Ты хочешь сказать, что это все от лука?

– Ну да. А ты думал?

– Неважно. Но какой ужасный фрукт!

– Это овощ. Наверное. Не такой уж он и страшный, просто щиплет глаза. Зато в нем много витаминов. Отец зимой заставляет меня по целой луковице в день съедать, для укрепления организма.

Боря с опаской посмотрел на луковое месиво.

– И что мы с ним будем делать?

Я посмотрел на сковородку. Масло уже начинало шипеть. Я забрал со стола доску и осторожно пересыпал лук. Потом стал быстро дошинковывать морковь.

– Почисти штук пять картофелин, – велел я Брику.

Он безропотно принялся за дело. В его молчании мне виделось что-то странное. Маленький Принц явно хранил тайну.

– Так ты не ответил насчет мамы, – напомнил я. – Что с ней случилось?

Брик подумал над моим вопросом несколько секунд. За это время он дочистил первую картофелину и взялся за вторую.

– У меня нет мамы, – наконец, отозвался он.

– Она умерла?

– Нет. У меня ее вообще не было никогда. Меня создали в лаборатории искусственным путем. Вся моя жизнь, сколько я ее помню – череда бесконечных опытов и исследований.

Я пересыпал на сковородку морковь и смешал ее с луком. Вода в кастрюле начинала закипать, и я схватил курицу. Нельзя было терять ни секунды. Суп – это гонка с плитой, в которой нельзя проиграть.

– А потом ты сбежал из лаборатории и решил укрыться в маленьком поселке, смешаться с толпой? – подсказал я Брику.

– Да. Предсказуемо, правда?

– Вполне. Ты теперь поможешь мне завоевать сердце Жанны, побить Петю и Рыбу в честном бою и с отличием сдать выпускные экзамены. Но где-то в процессе твои создатели объявятся здесь, и мы начнем изобретать хитрые планы, укрывая тебя от них. Наконец, они поймут, что ты – простой ребенок, и тебе нужны не лабораторные условия, а настоящая жизнь.

– Вполне возможно, что так и получится, – невозмутимо отозвался Брик. – Ну, теперь твоя очередь.

– А? – Я оторвался от препарирования куриной тушки.

– Расскажи про Жанну, про любовь. Ты же обещал.

– Да, точно. Что ж, сдержу обещание. Видишь ли, Жанна на самом деле моя мать. Я прилетел сюда из будущего, чтобы спасти ее от пришельцев. Понятия не имею, зачем она сдалась пришельцам, но они за ней охотятся. Сперва я принял тебя за одного из них и применил луковую бомбу замедленного действия. Но теперь, когда ты все объяснил, я нейтрализую лук. Надеюсь, ты мне поможешь в борьбе с пришельцами?

Мы стояли посреди кухни, глядя друг на друга.

– Ты врешь! – воскликнул Брик.

– Как и ты.

– Как ты догадался?

– Фотография в комнате, где ты с мамой. И потом, я тоже иногда смотрю фантастические фильмы.

Боря засмеялся и протянул мне миску с почищенной картошкой.

– Извини, – сказал он. – Никак не могу решиться доверять тебе.

– Я думал, мы друзья.

Я порезал картошку и высыпал ее вместе с курицей в кастрюлю. Добавил поджарку, посолил и накрыл крышкой.

– Теперь остается ждать, – сказал я, споласкивая руки. – Наверное, пойду домой.

– Подожди! – Брик вцепился мне в рукав. – Это иррационально, но я чувствую, что ты обижен.

– Боря, понимаешь, я даже не обижен. Я просто ничего не понимаю. Таких странных людей, как ты, я еще не встречал. Мне кажется, что ты просто сумасшедший, вот и все. Честно говоря, мне немного не по себе.

«Немного» – это еще слабо сказано. Мне было жутко находиться рядом с Бриком в этом расположенном на отшибе домике. Что если он сейчас схватит нож и бросится на меня?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/kriptonov_vasiliy/ty-mozhesh-idti-odin

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить